

ЕКАТЕРИНА КАРЕТНИКОВА

НИКОМУ Не отдам Тебя

МОЙ ПЕРВЫЙ РОМАН

Екатерина Алексеевна Каретникова

Никому не отдам тебя

Серия «Мой первый роман»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69340546
ISBN 978-5-17-155445-3

Аннотация

«Никому не отдам тебя» – новая книга Екатерины Каретниковой, современной писательницы, лауреата премии Сергея Михалкова и Международной детской литературной премии им. В. П. Крапивина.

Главная героиня повести, Алина, теряет в подъезде ключи от квартиры. Их находит симпатичный парень и возвращает девочке. Но оказывается, настоящую ценность для Алины представляют вовсе не ключи, а брелок – куколка в синем платье. Алина уверена: от этой куколки с грустным лицом зависит вся её жизнь. В чем же секрет загадочного брелока?

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	24
Глава третья	29
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Екатерина Каретникова

Никому не отдам тебя

© Каретникова Е. А., 2023

© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

МОЙ

ПЕРВЫЙ

РОМАН

Глава первая

Coced

Девочка и кукла

Сегодня его бесило все: неизвестно откуда взявшееся пятно в самом центре экрана, нитка, торчавшая из носка, коротенькая, но твердая, музыка будильника, раздававшаяся за стеной каждые полчаса. И ее лайки. Ее бесконечные лайки. Лайки вместо разговоров. Лайки вместо того, чтобы встретиться и обняться.

Если бы она на самом деле его обняла, да пусть даже так, чтобы он не смог дышать... хотя откуда у нее силы на это? Так вот, если бы она на самом деле его обняла – такого, какого есть, теперешнего, когда уже ничего не исправишь и назад не вернешь, он, наверное, умер бы на месте. Не от нехватки воздуха, конечно. И даже не от стыда. Это пусть она и ее подружки думают, что ему есть за что стыдиться. А он-то знает, что нет. Ему виднее. Как она там говорила еще в самом начале? «Ты – мужчина, тебе виднее?» Как будто почти не

шутила. И смотрела на него серьезными серыми глазами, а у него все переворачивалось и леденело, и потом начинало жечь так, что он не мог смотреть никуда, кроме — да кому теперь до этого есть хоть какое-то дело, куда он там не мог смотреть и где его обжигало? Теперь — никому. Даже ей. Теперь она смотрит на другого человека и рассказывает ему, что у нее там случилось с утра, и носит в сумочке мессенджер, открытый на диалоге с ним, с этим другим человеком. А, нет. Не носит. Она же выбросила смартфон. Так вот. Что же это он все время отвлекается? Если бы она обняла его на самом деле, он умер бы от счастья. От огненного, бессмысленного, но самого желанного на свете. Но она никогда его не обнимет. Она даже никогда с ним больше не встретится. И в этом никто не виноват. Никто, кроме него. Хоть он тоже не виноват. Просто в это никто не поверит.

Как может не хватать воздуха, он узнал этой осенью. Раньше думал: да ну, бред. Писатели придумали. Классики. Мало ли чего они там напридумывали, чтобы людям было жалче их героев. Лишних людей и остальных. То ленивых, то трусов, то просто слабаков, с которыми сегодня не стал бы разговаривать ни один уважающий себя человек. Но то сейчас, а тогда ими очень даже интересовались. По крайней мере, те же писатели. Классики. Ну или про них сочинять было

проще. А то попробуй, напиши про какого-нибудь путешественника, который и в Латинской Америке был, и в Азии, и в Африке его чуть не съели. Это сколько нужно материала изучить? Мама дорогая! А лишний человек знай лежит на кровати и думу думает. Посвататься, например, ему к соседней барышне или она для него слишком чиста? И так страниц двести, если не четыреста. Красота. Чего не написать?

Им, кстати, тоже иногда не хватало воздуха – и лишним людям, и их барышням. Но это от нервов. Или от жира.

А ему этой осенью не хватило, когда он вдруг ни с того ни с сего закашлялся, а когда перестал кашлять и хотел вдохнуть, вдруг понял, что не получается. Как будто через все горло натянулась непроницаемая пленка. Он попытался ее выплюнуть – не получилось. А новый приступ кашля уже подкатил к самому рту, и он помчался на кухню, чтобы открыть окно. Почему-то последним светом сознания промелькнула мысль, что уличный воздух должен помочь.

Но помог не уличный воздух. Помогло движение. И даже, может быть, новый приступ кашля – он точно так и не понял. В общем, пленка то ли порвалась, то ли вылетела, и он остался как был, с выпученными глазами, слезами на щеках и широко открытым ртом.

Хорошо, что мама его таким не видела. И никто не видел. Какое-то время внутри еще бился страх, что приступ повторится, и натянется новая пленка, прочнее первой – тогда точно все. Но приступы кашля повторялись, а пленки больше

не было, обошлось.

Он проболел три недели. Две – с температурой за тридцать восемь, а одну – без, в свое удовольствие. С ноутом, книжками, смартфоном.

Это-то его и подкосило, наверное. Вот тогда он и дал слабинку, которую показывать было нельзя, никому и никогда. А он размяк от болезни и поверил, что его тоже можно любить. Любить просто так, а не потому что он может сделать что-то полезное или, наоборот, не сделать, чтоб знали. Зря поверил. Особенно ей.

Хорошо, что потом ее подруга объяснила. Хорошо, да.

Почему таких вот подруг еще в детстве не отбирают по каким-нибудь неизменным признакам и не отправляют куда-нибудь? Туда, где им было бы хорошо, очень хорошо. Но чтобы и остальным было хорошо. Без них.

Подруга была тощей, бесцветной, зато смешливой и разговорчивой до одури. Поначалу, когда он понял, что придется оставаться одному, попытался даже ухаживать за ней, но быстро сдулся. Не были ей нужны ни его корабли, ни старинные книги, ни журналы прошлого века, которые собирал еще дед. Ее интересовали селфи, подписчики, лайки и чтоб люди были известные, хотя бы в своем кругу, и чтоб если подруги, то только те, за которыми родители присылали автомобили с водителями. А он – ну он тоже годился, на первое время. Но только на первое время. Для разгона. Жаль, он это понял чуть позже, чем было нужно. Но ведь он тогда совсем оду-

рел от боли, от предательства, от того, что опять придется становиться одиночкой. Или он всегда и был одиночкой, а остальное придумал в температурном бреду? В общем, подруга благополучно слилась, и он только вздохнул с облегчением. Мало ему было проблем и без нее? Вот именно.

Пятно с экрана он все-таки решил стереть. Достал салфетку, понюхал ее зачем-то. После болезни он почти все нюхал, проверяя – а есть ли запах? Вдруг опять пропал? Салфетка не подвела, врезалась в ноздри ароматом спирта и абрикоса.

Он поморщился, осторожно потер экран. Пятно исчезло. Вот если бы все проблемы исчезали так же легко. Потер салфеткой и нет их.

На экране вспыхнуло уведомление. Ну да. Лайк. И от кого же? Он почти не сомневался, что от нее. Неужели она думала, что этими несчастными лайками можно хоть что-то исправить? Или ей было все равно? Главное, чтобы жизнь шла привычно и правильно?

Проснулась, лайкнула все, что попало, и пошла по накатанной колее?

Он с трудом мог представить, какая у нее там накатанная колея. Ванная, кухня, шкаф со школьной формой? Вряд ли у нее форма, как у него, висит на стуле. Девчонки аккуратные. Хоть особой аккуратности в ее рюкзаке он не замечал. Когда ему случилось пару раз тащить этот рюкзак, казалось, что в нем собраны учебники и тетради за все годы учебы и еще немножко игрушек, украшений и того, что девчонки но-

сят с собой, но никому не показывают. Но тогда ему было не трудно. И даже нога почти не болела, хоть обычно отзывалась ноющей болью при каждой усиленной нагрузке. А тогда как-то все забывалось. Наверное, потому что он ее действительно любил. Не ногу, конечно, и не нагрузку. Любил или мог полюбить очень скоро. Но ей это было не нужно. И он был не нужен, как оказалось. Хорошо, что ее подружка ему все рассказала. Иначе, он бы до сих пор ходил дураком.

Они познакомились даже не в школе. В их школу он перевелся с первого сентября, но заболел – тогда еще обычной простудой – и на уроки пришел восьмого числа. Вообще-то, восьмерка была его любимой цифрой. Почти бесконечность, но не совсем.

Так вот, он возвращался из поликлиники и заходил в подъезд. Домофон сработал странно, пропищал тревожную трель, как будто у него был не тот ключ, но потом все-таки замок щелкнул, и дверь открылась. Может, лучше бы и не открывалась, потому что через секунду после этого его окатило волной терпкого аромата – то ли горького миндаля, то ли перезревшей вишни, только тоньше, нежнее, и он споткнулся на низенькой ступеньке и чуть не упал. Хорошо, что рядом были перила. Он схватился за них и стоял и смотрел, как мимо него пронесся тонкий розовый вихрь. Вихрь пронесся, а аромат остался. Секундой позже он сообразил, что на ступеньках осталось еще кое-что. Он наклонился и увидел брелок – куклу в синем платье.

Сначала он и не думал его подбирать, но потом увидел, что рядом на кольце блестит ключ. А ключ – это серьезно. Гораздо серьезнее брелока.

Он наклонился, поднял находку и, вытащив из кармана блокнот и карандаш (их носил с собой всегда), нацарапал объявление.

«Кто потерял брелок с куклой в синем, пишите в „ВК“», и уточнил кому. Про ключ писать не стал, а то мало ли? Кто потерял, тот и сам знает. Вернее, та.

Он же видел, что розовый вихрь был девчонкой, его ровесницей, наверное.

Она написала вечером, когда он уже забыл и про брелок, и про объявление. Сидел в кресле и рассматривал свои любимые корабли. Не парусники, нет. Почти современные, многопалубные – для долгих круизов, для экспедиций, для путешествий из точки А в точку Б. Он тоже путешествовал однажды из точки Санкт-Петербург в точку Плёс и обратно. Круиз длился десять дней, и поначалу он думал, что сойдет с ума от безделья и скуки. Ведь там, на маршруте, даже интернет обещали не везде.

Интернет реально то и дело пропадал, зато можно было сидеть на палубе и смотреть не в экран смартфона, а по сторонам. На огромное озеро без берегов, на волны в полметра

высотой, на белую пену, разбивающуюся о борт корабля. А потом озеро закончилось и их принял канал, с песчаными осыпающимися берегами и мутной желтоватой водой. Плыть по такой воде было тошно, но скоро начались шлюзы. Один за другим. И тогда уже почти все, кто был на корабле, кроме команды, конечно, вылезли на палубу и бегали с носа на корму и обратно, чтобы лучше видеть, как в камеру шлюза приходит вода, и теплоход поднимается, подталкиваемый со дна как будто огромной ладонью.

Еще были остановки. Но короткие, едва хватало, чтобы пробежать по набережной и побродить по какому-нибудь музею, чаще всего – краеведческому. Он не очень любил музеи, поэтому экскурсии по возможности прогуливал, а вот набережные его притягивали и каждый раз не хотели отпускать. Странное дело, Волга была одна, но казалась совершенно разной. Где-то широкой, как море, где-то обычной рекой, где-то бурной, где-то спокойной. Ему больше всего нравилось, когда вода разливалась и сияла на солнце зеркально-голубым пространством, и не было ей ни конца ни края. А еще ему нравилось искать на воде корабли. Огромные и крошечные, пассажирские и грузовые, баржи и буксиры. Все они разрезали воду, все оставляли кильватерный след и запах сгоревшего топлива. И каждый уносил с собой свою историю. Может быть, не такую увлекательную, как в его любимых книжках, но все равно особенную. Ту, которую не знал никто, кроме самого корабля.

Остановки были короткими, и маленькие города слились в один сплошной поток, из которого ярко и солнечно высветились лишь Ярославль и Кострома. Впрочем, они и не были маленькими. И он знал об их существовании задолго до поездки.

А потом теплоход достиг самой дальней точки круиза и нужно было возвращаться. Впрочем, та, конечная точка стоила тысячу раз, чтобы до нее добраться. Городок, раскиданный на неровном берегу, где пришлось подниматься на почти настоящую гору и при тридцатиградусной жаре смотреть сверху на такую синюю, прохладную и недостижимую воду. А потом был музей Левитана и экскурсовод с сияющими от счастья глазами. Он подумал, что в первый раз видит человека, который настолько любит свою работу. И еще подумал, что вот было бы здорово так же когда-нибудь полюбить свою.

В общем, он сидел и рассматривал сначала корабли в книге, а потом в «ВК» летние фотографии, а она написала ему, что потеряла брелок и что готова встретиться где угодно. В смысле, где ему будет удобно.

Ее звали Алина. Нет, только ни в коем случае не Аля, она ненавидит короткие имена. Ну, то есть, не ненавидит, конечно, – делать ей, что ли, больше нечего? Но она – Алина. Это понятно?

Он написал, что понятно, и подумал, что как-то слишком рано она начала выносить ему мозг, даже до первой встречи. Вернее, после, но до настоящего знакомства – вот как. Но

заморачиваться не стал, а предложил ей встретиться у дверей подъезда.

Она, несмотря на собственные слова про встречу «где угодно», поставила грустный смайлик (как он не любил эти смайлы – поди разбери, что они значат в ее конкретном случае), но согласилась, конечно.

Он зачем-то отправил ей заявку во френды, но она не ответила. То ли не посчитала нужным принимать в друзья неизвестно кого (правильно, в общем), то ли уже вышла из Сети и не заметила.

Он посмотрел на часы и решил, что еще есть время переодеться. Нет, можно было бы пойти и в этих джинсах, вполне себе чистых, но мама всегда ругалась, когда он ходил в одном и том же дома и на улице.

Он вытащил новые джинсы, футболку, худи. В общем, все новое, кроме куртки и кроссовок. Из зеркала на него посмотрел парень с торчащими во все стороны темными волосами, лишь отдаленно и кое-где напоминавшими кудри, и очень серьезным выражением лица. Он тряхнул головой и улыбнулся. Улыбка вышла так себе, не слишком искренняя, но стало все же лучше, чем без нее.

Алина не опоздала. Она даже пришла раньше него и ничуть этого не стеснялась, как некоторые. Бывают такие. Сами явятся за полчаса до назначенного времени, а потом прячутся в ближайших кустах минут сорок. Только бы никто не заподозрил, что они пришли первыми.

Алина не пряталась. Она сидела на скамейке у подъезда, тоненькая, с выпрямленной спиной и напряженным лицом. Похоже, волновалась. Из-за ключа, наверное. Они ведь ни слова не сказали друг другу про ключ, к которому был прицеплен брелок с синей куклой. Вернее, с куклой в синем.

– Привет, – сказал он.

А что было еще говорить?

– Привет, – кивнула Алина и едва заметно улыбнулась.

Он подумал, что лицо у нее красивое, а волосы так себе. Тонкие, ломкие, как пересохшее сено. Сено он видел или в кино, или на даче, но издалека. Поэтому какое оно на ощупь, мог только догадываться. А вот к волосам Алины прикоснуться захотелось прямо сейчас. Это было странно. Да и не поняла бы она его.

– Я нашел твою куклу и твой ключ.

Она улыбнулась уже по-настоящему.

– Ура! Я-то думала, вдруг без ключа. Давай.

И протянула тонкую руку с длинными ногтями. Как она такими ногтями смартфон не поцарапала? Или у нее защита на экране? Специальная, от такой вот красоты?

Он засунул руку в карман и вдруг понял, что нет там ничего. Он же переоделся. А ключ и брелок остались в старых джинсах.

– Слушай, я лох, – сказал он, даже не пытаясь ничего придумать. – Я его забыл дома.

Алина посмотрела на него так, что ему захотелось прова-

литься.

– Ты нарочно, да? – спросила она.

– Зачем? – растерялся он.

– А я не знаю! Может, ты – маньяк. Заманишь меня в лифт.

– Ага, – кивнул он. – Как ты сразу догадалась? Но записка с моим «ВК», если что, до сих пор висит на двери. Так что меня найдут и того, предадут правосудию. Вот!

– Кстати! – сказала Алина, встала и сорвала записку с двери. – Нечего ей тут висеть. Теперь не найдут.

Он посмотрел на нее, не понимая. Она боится или издевается?

– Ну пошли, – сказала Алина.

– Куда? Сдаваться в полицию?

– К тебе. За ключом.

Он кивнул, лихорадочно вспоминая, что у него в коридоре. И на кухне. И в комнате. По всему получалось, что ничего особо страшного. Если только старые джинсы. Но ведь они как раз и нужны.

В квартире Алина сразу прошла в его комнату, как будто уже была не раз.

– А как ты поняла, что сюда? – спросил он, еле успевая за ней.

– А у нас такая же квартира, – ответила она.

И сразу все стало понятно и легко.

Он включил чайник, положил на блюдце конфет из холо-

дильника и наконец-то вытащил брелок с ключом.

– Хорошо, что она нашлась, – сказала Алина, сжимая кулак в кулаке. – Если бы нет, не знаю, что было бы. Может, я даже не смогла бы жить дальше.

Он подумал, что она шутит, но лицо у нее стало не просто серьезным, а каким-то будто пылью подернутым. Вот так – раз, и из обычного веселого лица превратилось в серую маску.

– Смеешься? – спросил он, хоть уже понимал, что дело серьезное.

Алина покачала головой.

– Ты веришь в сказки? Или в фантастику? Нет, не научную, а типа историй про волшебников?

Он удивленно поднял брови.

– Я верил в деда Мороза. Но лет в шесть. И вроде все. А ты веришь?

– В деда Мороза? – усмехнулась она. – Нет. В деда Мороза не верю. И в шесть лет не верила, и в четыре. Я верю в то, что бывает волшебство.

Он посмотрел на нее с испугом. Сумасшедшая она, что ли? Или изображает, чтоб ему стало интересно? Так ему интереснее было до этих слов.

Она заметила, что он поскуучнел, и улыбнулась.

– Какие вы, мальчишки, смешные! Я же образно сказала.

– В смысле? – окончательно перестал ее понимать он.

Может, в самом деле, это такие шутки?

– Я имела в виду, что в жизни иногда происходят необъяснимые вещи. Чудеса, волшебство, называй как хочешь. Про это в книжках часто пишут. Ты никогда не читал книжки?

Она посмотрела на него серьезно и держалась минуты две, а потом засмеялась.

– Какие вы, девчонки, сложные! – вздохнул он.

Ему-то было совсем не смешно.

– Нет, мы гораздо проще, чем кажется. Просто нужно один раз нас понять. Один раз поймешь, а потом будешь это делать автоматически.

Ему вдруг стало интересно. И в глубине души он подумал, что было бы неплохо научиться понимать девчонок автоматически. Полезно, а иногда и приятно, наверное. Может, Алина научит?

Они подружились незаметно и так быстро, что через несколько дней он уже не мог представить, что не знал ее совсем недавно. Ему казалось, что Алина была рядом всегда. Нет, он не влюбился. Еще чего. Все было гораздо серьезнее, на самом-то деле.

Он даже рассказал ей про свои корабли и изумленно смотрел, с каким восторгом она перелистывает страницы старых книг и журналов. Как будто всю жизнь мечтала именно об этом. И вот наконец сбылось.

– Тебе правда интересно? – не выдержал он.

Алина даже не расслышала. Она водила пальцем по странице, как будто хотела там что-то нащупать. Что?

– Страница бархатная, – сказала она вдруг. – Или это рисенок такой?

Вообще-то, наверное, не стоило так уж трогать эти страницы. Но что ему, жалко было, что ли? Для нее?

– А я в первый день думал, что ты из-за ключа волнуешься, – сказал он вдруг. – А ты из-за куклы?

О чем подумал, о том и спросил. Ему сейчас не хотелось ничего усложнять. Наоборот, хотелось сделать разговор как можно проще. Может, тогда они скорее найдут общий язык? Когда-то он слышал, что этот «общий язык» – главное при знакомстве. Появится – и знакомство легко перерастет в дружбу, нет – и ничего дальше не будет. Сейчас ему очень хотелось, чтобы какое-то «дальше» было. Было обязательно.

Она вынула куклу, словно фокусник, из воздуха и показала ему.

– Видишь? Только смотри внимательно.

Он посмотрел. Ничего нового вроде. Ну кукла-девочка. С растрепанными, как сено, волосами. Платье синее, туфли тоже. Правда, туфли были нарисованными – одни на все времена, а платье при желании можно было бы переодеть. Если бы кто-то захотел сшить ей другое.

– Посмотрел? – спросила Алина.

Он кивнул. Как будто и так не было видно, что не отры-

вался взглядом от этого несчастного брелочка минут пять.

— А теперь сюда, — велела Алина и повернулась к нему лицом на три четверти.

Он прищурился и чуть не прикусил губу от удивления. На него смотрела почти такая же кукла, только живая. И как он раньше не заметил?

— Это ты? — спросил он, хоть можно было уже не спрашивать.

Она кивнула.

— А ты ничего, внимательный. Обычно не замечают. Ну то есть как? Девчонки видят сразу, а мальчишки почти никогда.

Ему стало неприятно, когда он представил себе других мальчишек, которым показывали эту куклу. И сколько их было, интересно? Но эти мысли он решил гнать, еще не хватало!

— Похожа, да, — сказал он. — Жалко было бы потерять.

— Она не просто похожа, — перешла на шепот Алина. — Ее с меня сделали. Знаешь, бывают такие мастерицы? Они специально делают кукол. На заказ.

— Я только кукол-вуду знаю, — признался он.

— Ну, — она чуть-чуть помолчала, — на самом деле у них у всех есть что-то общее. Если кукле плохо, то и хозяйке не очень. Если бы я раньше знала, ни за что бы не стала заказывать эту куклу. Но я же не знала. Я думала: игрушка и игрушка. Прикольная.

— А это не бред? — осторожно спросил он. — Ты уверена?

Он думал, что она начнет спорить, но Алина только пожала плечами.

– У меня так получилось, – кротко сказала она. – Может, совпадение. Но теперь я верю в чудеса. И не всегда добрые.

– А что получилось?

Она посмотрела на него долгим-долгим взглядом.

– Ну хочешь, расскажу?

Он подумал, что терпеть не может всякие девчачьи истории, но ему совершенно не хотелось, чтобы Алина уходила.

– Расскажи, – попросил он.

И поставил перед ней чашку с горячим чаем.

Глава вторая

Алина

«Прекрасные! Прекрасные!»

История оказалась не то чтоб увлекательной, но грустной и странноватой. Алина заказала куклу, когда они ездили на экскурсию в маленький музей игрушек. Сперва заказала, потом решила, что не нужно и написала мастерице, но та ответила: поздно. Кукла уже в пути, у курьера.

Собственно, с этого курьера все и началось. Он позвонил, сказал, что приедет в шесть вечера. Алина обрадовалась. К шести домой возвращалась мама, и можно было не волноваться о том, что будет встречать курьера одна. Но он приехал раньше. Приехал и попросил ее спуститься на первый этаж. Вроде как у них не работает лифт, а доставка товара без лифта в стоимость заказа не входит. Алина точные условия, конечно, не помнила, но что ей стоило спуститься на первый этаж?

Оказалось, дорого это стоило, очень дорого.

В подъезде погас свет, и она застряла между вторым и третьим этажами в том самом несчастном лифте. Курьер позволил, сказал, что раз все так, а заказ оплачен, то ждать он не будет, конечно. У него других дел по горло. Опустит пакет в почтовый ящик и сам распишется, ладно уж. И все.

В общем, курьер уехал, а Алина осталась. Одна в темном лифте. Дозвониться до диспетчера удалось только через полчаса, но та тоже вздыхала и говорила, что пока свет не дадут, что ж она сделает? Ничего.

У Алины никогда не было клаустрофобии. И темноты она не боялась. Ровно до того дня.

Когда монтер открыл двери лифта, она почувствовала, что ноги ее не слушаются. Как будто в ботинки ей налили свинца – вот как это было.

– Выходите, девушка, выходите! – повторил монтер. – Или вам там понравилось?

– Я не могу! – пискнула Алина.

Тогда монтер подхватил ее за талию и в два движения вытащил из лифта и усадил на подоконник.

– Далеко живешь? – спросил, переходя на «ты».

Ну да, если на руках носил, какое там «вы»?

Алина объяснила, где, и монтер, не говоря ни слова, оттащил ее домой, а там сдал с рук на руки маме. Мама уже ее потеряла, сходила с ума и звонила по всем возможным номерам.

Ноги, к счастью, слушаться начали, как только за монте-

ром закрылась дверь. Телефон, оказывается, разрядился, поэтому мама и не могла дозвониться. А пакет с куклой курьер почему-то засунул не в почтовый ящик, как обещал, а повесил на ручку двери. Выходит, поднялся все-таки по темной лестнице пешком? Но что ему оставалось-то? В щель ящика пакет точно бы не пролез.

– Мам, это та самая кукла, – сказала Алина, разворачивая пакет.

– Жуть какая! – вздохнула мама, присматриваясь.

– Почему жуть?

– Да потому что правда похожа на тебя. Даже слишком.

Алина кивнула и подумала, что похожа-то – ладно. Хуже, как попала в дом. Потому что мастерица сразу говорила: как в дом придет, так и жизнь сложится. Алина только не поняла: жизнь куклы или ее, Алины.

А утром в школе она, конечно, не выдержала и побежала показывать куклу подружкам.

– Прекрасная! – сказала Марго. – И так похожа на тебя! Вы обе прекрасные!

Василиса покрутила куклу в пальцах, пожала плечами.

– Ну не знаю, Алин. Вроде что-то в этом есть. Но я бы ни за что не стала такую покупать. С ней же непонятно что делать. И выбросить нельзя, и с собой все время носить – не очень. Вдруг потеряешь? Нет, я в мистику не верю, но все равно – бр-р!

Остальные посмотрели молча, Ира даже сфотографиро-

вала на смартфон. Между прочим, без разрешения. Но что с нее спросишь? Она всегда так. Думает, что если у нее смартфон последней модели, то можно все. Или предпоследней? Или она нарочно врала девчонкам, чтобы те завидовали? Ведь никто же не проверял: какая модель последняя на самом деле.

– Нужно просто нарушить связь, – вдруг очень серьезно сказала Марго.

– Что? – не поняла Алина.

Марго недавно переехала из маленького южного города, говорила с акцентом, зато знала столько всего, что у Алины иногда начинала кружиться голова, то ли от ужаса, то ли от количества знаний.

– Связь между тобой и куклой, – продолжила Марго.

Некоторые пытались называть ее Ритой, но быстро прекращали. Кто Марго, тот не Рита – нечего.

– Если ты боишься, конечно, этой связи.

– Я? – задумалась Алина. – Да нет, не боюсь.

Дослушивать Марго не стала. Она уже вклинилась в самую гущу девчонок. Туда, где Ира демонстрировала новые колготки со скелетами. Или как их там было правильно называть? Алина прозевала. И оттуда уже доносился тонкий голосок Марго:

– Прекрасные! Прекрасные!

Глава третья

Coced

Фаталь эррор

Он вспоминал ту первую встречу у него дома, когда Али-на рассказывала, а он слушал и слушал. Только иногда выходил на кухню за новыми конфетами или горячим чаем. Ему казалась смешной Марго с ее «Прекрасными!» И Ира в алых колготках со скелетами и последней моделью смартфона. А в общем, до них ему не было никакого дела. Зато он смотрел на Алину и понимал, что ему дико повезло. Что она живет в его подъезде. Что он нашел ее куклу-брелок. И что она рассказывает ему свою историю как настоящему другу. Раньше девчонки никогда с ним не дружили.

В общем, наверное, правильно делали. Эту дружбу он тоже не смог уберечь. Он вспомнил, как Алина пришла к нему в последний раз.

– С человеком хорошо, когда он хочет, чтобы с ним было хорошо. А когда ему все равно, с ним никак. Ты же сам вы-

бирал: я или она. Ты выбрал, — она прикрыла глаза на секунду, будто вспоминая, как именно он выбирал. — Тебе никто не мешал. И я...

Она запнулась, но продолжила, просто чуть тише:

— Я любила только тебя. Ты это знал. Тогда.

Последнее слово прозвучало. Так вот оно какое: «Тогда».

Он хотел закричать, что ничего он не знал. Откуда бы? Ему кто-то сказал, что ли? Или он ясновидящий? И ничего он не выбирал. Марго сама явилась к нему, несла себя как вечное счастье. Вот этому, кстати, нужно бы у нее поучиться. Она всегда, даже если выпрашивает что-нибудь, несет себя как счастье и ведет так, словно человеку, к которому она обращается, несказанно повезло.

Однажды он увидел, как Марго шла с Алиной по школьному коридору, поддерживая ее под локоть. Он еще удивился тогда, потому что раньше не знал: дружат они — не дружат. Но если бы не дружили, разве ходили бы под руку? И лица у них были такие таинственные, и разговор тихий, но явно увлекавший обеих. Он бы так разговаривать мог, наверное, только с лучшим другом, если бы тот у него был. Или... Или с Алиной.

Но Марго даже тогда несла себя с королевской гордостью, словно она — самый ценный подарок. Вернее, даже не она сама, а только разговор по душам с ней. На прощанье она обняла Алину (он замер от зависти) и коснулась губами щеки. Конечно, почему бы не обнять подругу? Уже потом он поду-

мал, что Марго чем-то похожа на рыболова, который раскидывает сети везде, куда только может дотянуться. Вдруг кто попадется?

Многие, кстати, попадаются, он тоже попался. Так вот, Марго пришла к нему и сказала четко и ясно: «Отстань от Алины! Она не знает, в какую дырку от тебя прятаться. Ты что – маньяк? Во всех „сетях“ ее зафрендил, каждый пост лайкаешь. Она уже тебя боится. Следишь ты за ней, что ли? Наши все смеются».

От последних фраз у него зазвенели в ушах колокольчики. Противные такие, тоненькие. Еще тоньше, чем голос самой Марго. Ему даже показалось, что мир вокруг пошатнулся и встал не на прежнее место, а под каким-то едва заметным, но точно неправильным углом.

– Это она тебя попросила прийти? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

– Она бы не попросила. Она стесняется. Но я же – ее лучшая подруга, разве я могу...

Он не дослушал, что именно она может или не может, а осторожно откатил кресло из-за стола и встал.

– Я понял, Рита.

Она посмотрела на него испепеляющим взглядом, но замечания не сделала. Видно, поняла, что пока хватит испытывать его терпение.

– Я понял. Все.

Рита кивнула и тоже поднялась.

– Кстати, не все такие сумасшедшие, как Алина. Многие девчонки только рады были бы твоему вниманию. Честно.

Он посмотрел на нее, как на табуретку. Причем табуретку, оказавшуюся явно не на своем месте. Например, посреди прихожей. Или в ванне. Не в ванной комнате, там-то мало ли что, могла и она пригодиться, а посреди самой ванны. Уж туда-то нормальные люди табуретки не ставят, наверное?

Она сделала вид, что ничего обидного не заметила. Или ей на самом деле было все равно, как он тут на нее смотрит?

– Если что, можешь подписаться на меня. В любой Сети. Я сразу отвечу. И я-то, в отличие от некоторых, подписчиков не боюсь. Особенно таких как ты.

Он кивнул. Понятно, чего там. Она не боится. А Алина... Алина вот, наоборот, и все уже смеются. Над ним смеются. Над его непрерывными лайками и прочим вниманием. Ладно. Так, значит так. Он все понял, больше объяснять не нужно. Честно.

Рита (или как там ее? Марго!) ушла, на прощанье улыбнувшись такой открытой улыбкой, словно они договорились о чем-то очень приятном для обоих. «Прекрасном! Прекрасном!» – зачем-то вспомнилось ему. Тьфу.

Не было у него теперь ничего прекрасного. И простого хорошего. Ведь как ни смотри, что ни придумывай в ее оправдание (или в свое?), Алина его предала. Ладно бы, написала сама. Ну чтоб он от нее отстал. А то ведь нет. Подружку попросила. И плюс к подружке ведь в курсе еще какие-то «на-

ши». Ну которые смеялись. Как так? Почему?

Ему казалось, что ей нравится. Что ей интересно с ним. А на самом деле... Она копила раздражение, как можно накопить дождевую воду в пакете, пока тот не лопнет.

Это было почти невыносимо — знать, сколько времени выступал полным идиотом. Ну ладно, может, не полным идиотом, но ошибался. Фатально. Фаталь эррор.

Он не стал ей писать и звонить не стал. Зачем? Бросить пару отчаянных фраз, чтобы она поняла, насколько ему больно? Жирно будет. Да и не больно ему уже. Ну почти.

Пару недель он ухаживал за Марго. Та хохотала, всегда отзывалась в «сетях», рассыпая сердечки под любым комментарием. Правда, когда он разговаривал с Алиной, его накрывало настоящей волной — счастья, неуверенности, надежды, а при общении с Марго ничего похожего не было. Ну поржать, ну провести полчаса до ужина, ну обменяться лайками перед сном. То есть это тоже было приятно. Особенно, когда Марго выкладывала в Сеть какое-нибудь видео с танцем, она ведь танцевала в студии, всерьез. И он смотрел и думал, что вот — похоже, нравится такой девчонке. А потом его обжигала мысль: ага. Другой девчонке он тоже думал, что нравится.

А потом Марго начала отдаляться. У нее появился какой-то то ли рокер, то ли джокер, то ли фиг разберешь, но

явно с деньгами. И с интересом к Марго. Ошиваться вокруг них третьим он не хотел.

И он ушел. И вообще подзабил на все эти «сети», лайки, игры. Попросил отца, как когда-то, купить ему модель парусника. Только посложнее, чем раньше. Чтобы деталей было много-много. И начал потихоньку изучать инструкцию и делать первые аккуратные раскладки деталей.

А когда остов корабля уже стал похож на остов, к нему пришла Алина. Влетела в комнату (наверное, дверь открыл отец или мама, он даже не слышал звонка) и сказала все. И что любит, сказала. Вернее, что любила.

Она была какая-то новая, повзрослевшая, как будто со времени их первой встречи прошел год, не меньше. Он понял, что такая она нравится ему еще сильнее и что нужно что-то сделать, не отпускать ее. Но ничего не придумывалось, совсем ничего. А Алина смотрела на него прищуренными глазами и, кажется, на ресницах блестели слезы. Но все равно лицо у нее было таким строгим и решительным, что он оробел перед ней, как перед суровой учительницей. Может, он и не был виноват перед ней в том, о чем она говорила. Он не выбирал между ней и Марго. Его просто обманули. Любого могут обмануть. Но все-таки, он понимал, что все или кое-что уж точно сделал неправильно. Можно было иначе. Можно.

Его как будто пригвоздило к креслу, и он подумал, что только чуть-чуть передохнет и все ей объяснит. А она вско-

чила, обдала его запахом цветущей вишни и горького миндаля и исчезла.

Совсем исчезла, а не только из его комнаты.

Глава четвертая

Алина

Без мамы

Алина поняла, что долго не продержится. Вернее, она уже и не держится, а так, висит из последних сил на поручне автобуса и пытается казаться нормальной. Ну, сонной или, может, чуть-чуть больной, но не такой, какая есть на самом деле. Потому что если кто-нибудь догадается, какая она, ей останется только выскочить из автобуса и осесть в придорожном сугробе. И главное – спрятать лицо. Чтобы никто его не увидел. Нельзя смотреть на такое лицо. По нему сразу видно, что внутри у Алины – пустота. Даже не ночь или зима, а безвоздушное пространство, ни кислорода, ни света, и температура близится к абсолютному нулю.

Когда утром она позвонила в справочное больницы, где последние две недели лежала мама, то уже почти не боялась. Можно сходить с ума от страха день. Два. Три. Но невозможно бояться две недели подряд. Мозг не выдерживает и сам

начинает подсовывать мысли на посторонние темы. Невеселые, конечно, но привычные – бытовые. Что нужно купить хлеба. Что в прошлую передачу они с Леной положили всего одну пачку влажных салфеток, а это мало. Нужно бы две или три. И чай в упаковке, чтобы разрешили. И... Алина не знала, пьет ли мама чай. Она его и дома-то не пила. Но ей сказали, что всем передают чай и сахар. И они маме тоже послушно передавали. А узнать у нее самой было нельзя. В отделение интенсивной терапии мобильники брать не разрешали. Говорили, что от них сбоит техника и вообще. Не до телефонов там людям. Вот переведут в обычную палату, тогда наговоритесь.

Алина ждала этого перевода, как ничего и никогда в жизни. Но пока о нем речи не было. Зато можно было каждое утро звонить в справочное и узнавать о состоянии мамы. И раз в два дня привозить передачи и отдавать их в специальное окошко для передач.

В тот понедельник Алина позвонила.

– Да, – ответила ей уже знакомая по голосу женщина. – Зорина Татьяна Александровна. Год рождения – тысяча девятьсот семьдесят четвертый. Все верно?

– Все, – ответила Алина и даже кивнула, как будто ее кивок кто-то мог увидеть.

– Состояние тяжелое, – вдруг сказала женщина из справочного, и голос у нее изменился. – Переведена в хирургическую реанимацию.

– Так, – сказала Алина, пытаясь осознать. – Так.

И разрешила еще появиться спасительной мысли, что «тяжелое», а не «крайне тяжелое». Она же слышала, такое тоже бывает.

– И что можно сделать? – подумав, что надо вести себя, как взрослая и без истерик, спросила она.

– Так, – ответила теперь уже женщина из справочного. – Так.

И вдруг почти без паузы добавила:

– Оформить документы для операции.

– Какой операции? – не поняла Алина.

– Зориной Татьяне Александровне сегодня должны сделать операцию. Нужны документы. Да они давно были нужны, мы просто вас не дергали лишний раз. Привезите карту из поликлиники хотя бы.

Кажется, голос думал, что разговаривает со взрослым человеком. Вернее, женщина из справочного думала.

Алина хотела позвонить Лене на работу, но вдруг поняла, что не сможет ничего сказать. Вообще, ни слова. Представила, как напишет в мессенджере, всхлипнула и тоже решила: потом.

А сама оделась, сунула в сумку паспорт, мамину медицинскую карту и пошла на автобус. Как тысячи людей в этом городе. Обычных людей, у которых ничего не случилось.

Жить можно и по привычке, на автомате. Вставать утром, умываться, завтракать чем-то, что оставила на столе Лена. И идти в школу. То есть в первые дни Алина ни в какую школу не пошла. Она вернулась домой из больницы и уползла в свою комнату. А там забралась под плед и накрылась с головой. Сколько она так пролежала – кто ж знает. Сначала ее трясло, но она понимала, что это не от холода. Надо было, наверное, встать и налить валерьянки или пустырника, но даже от мысли об этом сводило челюсти и рот наполнялся кислой слюной. Не будет она сейчас вставать. И ничего пить не будет.

Потом, окончательно перестав дрожать и пропотев, Алина вдруг сообразила, что так и не позвонила Лене на работу. А значит, Лена еще не знает и живет пока в той, прежней реальности. Там, где еще можно верить, что все обойдется и что операция не нужна.

Алина взяла смартфон, посмотрела на него, как на врага, и все-таки выбрала из списка Ленин номер.

– Алло, – сказала Лена.

Спокойно так, ничего не подозревая. Тем более что на работе все стараются быть вот такими – спокойными, сдержанными, рассудительными. Алина была там у Лены, видела.

– Приезжай, – выдавила в трубку Алина. – Сюда. Срочно. К маме после операции, сказали, не пустят все равно.

Спасибо Лене, что не стала ни о чем спрашивать. Отве-

тить бы Алина все равно не смогла. Она отбросила трубку и заплакала. Пока никого не было в квартире, пока никто не видел и не слышал. А потом пошла умываться ледяной водой и стучать зубами о край чашки с валерьянкой.

Лена ее спасла, наверное. Приехала. Быстро, на такси. Вскипятила чайник, заварила чай, разлила по чашкам. И только тогда заговорила:

– Твоей маме сделают операцию, и она поправится. Обязательно. Мы должны не рыдать, а готовиться за ней ухаживать. Понимаешь? После операции ей понадобится очень серьезный уход. В больнице мы найдем подходящую сиделку. Если нужно, переведем на платное отделение. А дома справимся сами. Да?

Алина кивнула.

– Вот, – Лена залпом выпила огненный чай. – Значит, сейчас я поеду туда, обо всем договорюсь. Поехали со мной!

Но тут Алина попятилась и замотала головой. Не было у нее никаких сил. Все закончились при первой поездке, когда она висела на автобусном поручне и всерьез думала, а не вывалиться ли ей в сугроб. Вдруг так будет легче и правильнее? Хорошо, что вовремя сообразила: не будет.

– Я не могу, – сказала Алина. – Я лучше... Что еще нужно сделать?

– Ты почитай что-нибудь, – предложила Лена. – Или, может, пусть кто-нибудь из подружек придет?

Алина поняла вдруг, что никого из подруг видеть не хочет

и не может. Им же придется рассказывать. Хотя бы коротко.

– Я в Сети побуду, – сказала она. – Просто почитаю там что-нибудь.

– Может, лучше книжку? – спросила Лена.

– Нет, там думать надо. А я сейчас – никак.

Лена кивнула, соглашаясь.

– Я дождусь завершения операции и вернусь. Только не уходи никуда.

– Да куда я теперь? – спросила Алина и всхлипнула. – Я теперь пока тут.

Она поняла, что говорит все более бессвязно, но какое это имело значение? Валерьянка, что ли, так подействовала?

Лена уехала.

Алина вышла в Сеть. Она подумала, что вот сейчас есть один человек, с которым действительно можно поговорить. Ну и хорошо, что есть. Могло бы и не быть никого.

Человек действительно был. И в Сети.

Вот только он вел длинную игривую беседу с типа подружкой Ритой. Тридцать семь комментариев, и это явно был не предел.

«Почему сегодня? – подумала Алина. – Не вчера, не завтра, а вот именно сейчас?» А потом поняла: пусть. Сегодня ей на него плевать, вот что. А вчера она бы страдала и перечитывала каждый комментарий. Или, наоборот, закрыла бы Интернет, только увидев их разговор, и прорыдала бы весь вечер. В последнее время она часто ревела. А кто бы не ре-

вел? Вот в прошлом году она бы сказала Ритке все, что про нее думает. И ему бы сказала. И ушла гордо, а не вот так. А сейчас – сейчас ей просто не до них. Ее и так распластало болью. Новую она уже не почувствует. Ну предали. Подумаешь. С кем не бывает?

Она выключила компьютер, вытащила из шкафа старый альбом с фотографиями и начала их рассматривать, пытаясь вспомнить все, до самой крохотной мелочи. Когда они снимались. Кем. Кому вот тут улыбается мама и какого цвета ее купальник вон на той черно-белой фотографии. Желтый ведь. Или это у Алины тогда был желтый, а у мамы цвета морской волны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.